

На правах рукописи

ШИПУНОВА
Татьяна Владимировна

**ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
ДЕВИАНТНОСТИ
(ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Специальность 22.00.01 – теория, методология и история социологии

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004**

Л. Г. С. 2004

2005-4
48536

На правах рукописи

ШИПУНОВА
Татьяна Владимировна

**ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
ДЕВИАНТНОСТИ
(ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Специальность 22.00.01 – теория, методология и история социологии

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004**

369366

Работа выполнена в секторе социологии девиантности и социального контроля Социологического института Российской Академии Наук.

Официальные оппоненты:

- доктор социологических наук, профессор
БОРИСОВ АЛЕКСАНДР ФЕДОСЕЕВИЧ
- доктор социологических наук, профессор
КОСТИН РОМАН АЛЕКСЕЕВИЧ
- доктор социологических наук, профессор
ГЛОТОВ МИХАИЛ БОРИСОВИЧ

**Ведущая организация – Институт социологии Российской Академии Наук
(г. Москва)**

Защита состоится «29» апреля 2005 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.199.15 по защите диссертаций на соискание ученых степеней доктора социологических и педагогических наук в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, корпус 20, ауд. 307

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Автореферат разослан «26 » апреля 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук,
доцент

Б.Б.

Косицин В. Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования.

Есть основания утверждать, что социология девиантного поведения и социального контроля (девиантология) вышла на уровень теоретико-методологической рефлексии. Ее суть заключается, во-первых, в стремлении к решению методологических проблем, выступающих преградой на пути построения девиантологической теории. Во-вторых, в попытках выведения и определения ключевых понятий, совокупность которых (приведенная в систему) должна составить понятийную основу как девиантологии, так и дисциплин, изучающих различные формы нежелательных для общества видов поведения и деятельности (криминологии, суицидологии, феминокриминологии, политической криминологии и др.). И, наконец, в-третьих, в разработке методологической базы для проведения междисциплинарных исследований. Несмотря на методологические разногласия, большинство ученых признает важность концептуального синтеза при изучении общественных явлений. Главная проблема заключается в поиске основания, позволяющего непротиворечивым образом объединить имеющиеся подходы к объяснению интересующих нас явлений.

С нашей точки зрения, развитие девиантологии напрямую связано с разработкой *социологической теории девиантности*, поскольку социология опирается на более широкую, чем другие дисциплины, теоретическую базу, имеет достаточно развитый понятийный аппарат, менее, чем, например, криминология, зависима от официальных социальных институтов, обладает развитыми исследовательскими методами, предполагает рассмотрение девиантности как одного из множества социальных явлений, находящегося в сложной взаимосвязи с другими явлениями, и дает больше возможностей для привлечения разных подходов и теорий к объяснению причин девиантности.

Степень разработанности проблемы.

На протяжении всей истории человечества проблемы устранения нежелательных для общества форм человеческой жизнедеятельности не

теряли своей актуальности. Негативные явления привлекали внимание великих греческих философов (Аристотеля, Платона, Сократа), причины их возникновения рассматривали мыслители средневековья и эпохи Просвещения (Фома Аквинский, Гоббс, Дидро, Кондорсе, Локк, Руссо и др.). Изучению социального «зла» отдали дань социологи Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, А. Кетле, К. Маркс, Р. Мертон, П. Сорокин, Г. Тард и другие.

Осмысление накопленного опыта и его систематизация нашли отражение в трудах современных отечественных и зарубежных исследователей – Р. Акерса, Ю. Д. Блувштейна, Я. И. Гилинского, А. В. Добринина, Г. И. Забрянского, Ф. Зака, Ю. Ю. Комлева, В. Н. Кудрявцева, М. Лайне, З. Ламнека, Е. Лемерта, А. Лиски, В. С. Нерсесянца, С. Палмера, Э. Раски, Н. Х. Сафиуллина, В. Фокса, Я. Хамфри, Д. А. Шестакова, Г. Шнайдера, А. М. Яковлева и других.

Многие авторы уделяют внимание определению понятий «социальная норма» и «девиантное (отклоняющееся) поведение» (М. И. Бобнева, Я. И. Гилинский, В. Г. Карпов, Ю. А. Клейберг, А. Коэн, В. Н. Кудрявцев, Ю. В. Кудрявцев, М. Лайне, З. Ламнек, Е. М. Пеньков, В. Д. Плахов, Э. Сатерленд, Т. Селлин, Л. И. Спиридонов, П. У. Таппен, Э. Шур, А. М. Яковлев и другие).

Большое число работ посвящено изучению причин девиантного поведения. Авторы рассматривают как общие причины социального «зла» (Г. Беккер, С. В. Быков, Я. И. Гилинский, И. Гофман, Е. В. Змановская, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, А. Коэн, Ю. Ю. Комлев, Н. Кристи, М. Лайне, З. Ламнек, Э. Лемерт, С. Медник, Р. Мертон, С. Ф. Милюков, В. А. Номоконов, В. Д. Плахов, В. Реклесс, А. Салагаев, Э. Сатерленд, Н. Х. Сафиуллин, Х. Там, К. Христиансен, Д. А. Шестаков, Э. Шур, А. М. Яковлев и др.), так и причины конкретных видов его проявления (А. Г. Амбрумова, Ю. М. Антонян, И. Блох, В. Боховкин, Б. С. Братусь, Б. В. Волженкин, А. А. Габиани, В. Ганжин, Г. Гепингер, Ш. и Э. Глюк, Я. Г. Голанд, С. И. Голод, И. Н. Гурвич, А. И. Гуров, А. П. Дьяченко, Г. И. Забрянский, Г. Г. Заиграев, К. Е. Игошев, В. Г. Карпов, Н. Ф. Кузнецова, Д. А. Ли, Ю. Лисицин, С. Ф.

Милюков, М. Мозер, Г. Освальд, С. Палмер, В. Ф. Пирожков, Э. Ф. Побегайло, П. Сидоров, С. Г. Смидович, А. А. Сукало, А. Турк, В. Хейли, Е. И. Цымбал, К. Шав, Д. А. Шестаков, П. И. Юнацкевич, А. М. Яковлев и многие другие).

Профилактике девиантного поведения и государственной политике по предупреждению негативных явлений посвящены труды Г. А. Аванесова, И. Анденеса, Ю. Д. Блувштейна, Л. А. Волошиной, Я. И. Гилинского, С. И. Голода, А. И. Долговой, А. Э. Жалинского, В. К. Звирбуля, М. И. Зырина, В. В. Ключкова, Ю. Ю. Комлева, М. Лайне, Б. М. и М. Б. Левиных, А. Лепса, Г. М. Миньковского, В. Ф. Пирожкова, М. Е. Поздняковой, Э. Э. Раски, В. В. Романова, Г. С. Саркисова, Н. Х. Сафиуллина, П. И. Сидорова, Л. И. Спиридонова, И. В. Стрельчука, Г. Ф. Хохрякова, К. Шумана, А. М. Яковleva и других.

Несмотря на существование множества фундаментальных трудов по теории преступности и девиантности в целом, ощущается дефицит теоретического осмысливания важнейших проблем. В настоящее время в криминологии и социологии девиантного поведения и социального контроля (девиантологии) сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, многие исследователи и в России и на Западе говорят и пишут о том, что эти дисциплины должны быть востребованы практикой, они должны не просто выискивать недостатки существующей системы контроля (как это делает, например, критическая криминология), но и предоставлять *теоретические основания* для ее совершенствования. С другой стороны, в научной литературе по проблемам преступности и девиантности наблюдается явное уклонение авторов от постановки теоретических проблем и их комплексного рассмотрения. По мнению некоторых видных западных ученых, такое положение дел связано с отсутствием общей социологической теории общества. Однако развивать теорию общества можно практически с любой точки или с любого социального явления, в том числе – преступности и девиантности. В качестве другого оправдания неразвитости теории

некоторые исследователи усматривают в неизбежном противоречии теорий, развиваемых в рамках двух якобы противостоящих друг другу парадигм – нормативистской и социологической. Суть этого противоречия им видится в том, что «нормативисты» рассматривают преступность и девиантность в целом с позиций действующих норм официального права, а «социологисты» – с позиций критики права и тех официальных государственных властных институтов, которые призваны это право формировать, поддерживать и развивать.

Слабой стороной обеих позиций является то, что представители названных парадигм рассматривают свой предмет частично, делая акцент либо на структурном («нормативисты»), либо на функциональном («социологисты») анализе преступности и девиантности в целом. Избежать этого можно в том случае, если к рассмотрению предмета исследования подойти с позиций системного подхода, предполагающего три плоскости анализа социальных явлений – исторический, функциональный (процессный) и структурный (в моментальном срезе, в статике). Такой подход позволяет рассматривать феномен девиантности не только как *сущее* (существующее состояние преступности и девиантности), но и как *процесс* нарушения постоянно изменяющихся норм морали и права.

В уже обозначенное проблемное поле можно включить еще несколько проблем, свидетельствующих о необходимости дальнейшей разработки теоретической базы девиантологии.

– Недостаточно разработан понятийный аппарат девиантологии, почти все базовые понятия, образующие «каркас» теории, остаются дискуссионными или не имеют определений.

- В девиантологии появились десятки теорий, причем в рамках каждой из них абсолютизируется одна сторона, одно проявление феномена девиантности, а другие исчезают из поля зрения исследователей.

- Остается теоретически недостаточно обоснованной проблема социального порядка и превенции девиантного поведения; очень часто

выводы, вытекающие из той или иной концепции или теории, остаются лишь благами пожеланиями без возможности их реализации на практике.

- Отрицательно влияет на формирование понятийного аппарата девиантологии и полисемичное использование понятий. Так, например, термином «отклоняющееся поведение» обозначают как индивидуальный поступок, так и массовое явление.

- Понимание преступности как суммативной совокупности отдельных преступлений привело к тому, что многие исследователи подменяют вопрос о причинах преступности вопросом о причинах отдельных преступлений. То же можно сказать о девиантности в целом.

Цели и задачи исследования.

Цель исследования заключается в попытке построения социологической теории девиантности на основе уточнения понятийной системы социологии девиантного поведения и объединения накопленного позитивного знания, представленного в разных концепциях и подходах.

Предлагаемая теория – это один из возможных теоретических конструктов, имеющий внутреннюю логическую структуру и опирающийся на определенные методологические принципы и допущения.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **задач**:

- проанализировать основные методологические проблемы, связанные с разработкой общей теории, основанной на объединении накопленных знаний о негативных явлениях;

- определить объем и содержание понятия «социальная норма», которое является исходным для социологического описания девиантологических явлений;

- выявить существенно значимые виды социальных норм, сформулировать их определения и построить классификацию, являющуюся основой для системного (целостного) рассмотрения всех проявлений нарушения этих норм;

- в соответствии с классификацией видов социальных норм построить классификации форм индивидуальных и массовых отклонений от этих норм, дать им определения, составляющие понятийный «каркас» девиантологии;
- рассмотреть основные теории преступности и девиантности и возможности их использования на практике;
- на основе критического анализа современных девиантологических и криминологических теорий рассмотреть причины девиантного поступка, соотношение его субъективной и объективной детерминации;
- объединить выявленные в ходе анализа позитивные положения существующих теорий на основе разработанной понятийной системы и единой теоретико-методологической базе.

Объект исследования – теоретические воззрения на феномен отклонений от социальных норм.

Предмет исследования – понятийный аппарат девиантологии, отображающий виды социальных норм, формы отклонений от этих норм и порождающие их причины, а также основания для концептуализации (синтеза) знаний о социальных отклонениях в социологической теории девиантности.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Поскольку любое теоретическое исследование предполагает осмысление собственных оснований, т. е. осознание тех онтологических, гносеологических и логических допущений, которые должны составить мировоззренческий базис теории, то наряду с собственно теоретико-методологическими принципами исследования следует указать *теоретико-философские или мировоззренческие принципы*, которые легли в основу диссертационного исследования. К ним относятся принципы *познаваемости, детерминизма, развития, всеобщей связи, ведущее роли практики в процессе познания*.

Собственно *теоретико-методологическими* принципами исследования явились принцип всесторонности, объективности и

конкретности рассмотрения, историзма и системности. Главное внимание в диссертации уделено наиболее важным теоретическим проблемам, или узловым моментам, которые уже долгое время фигурируют в криминологии и девиантологии и которые образуют единое проблемное поле этих научных дисциплин.

В диссертации при анализе и попытке решения различных проблем девиантологии кроме идеяного богатства, накопленного социологией, использованы также теоретические выводы и фактологические данные многих наук: философии, логики, гносеологии, психологии, социальной психологии, этнографии, правоведения, криминологии и ее отраслей, системологии, культурологии, теории организации социальных систем и теории управления.

Методами научного исследования при разработке заявленной темы явились анализ понятий, обобщение, анализ литературы, синтез.

Наиболее существенные научные результаты, полученные лично соискателем.

* Обосновано, что принципиально возможно и необходимо создание общей социологической теории девиантности, вбирающей в себя позитивное знание, накопленное в разных теориях девиантности и концепциях отклоняющегося поведения.

* Доказано, что девиантность как *массовое явление* должна объясняться, исходя из внешних объективных детерминант. До сих пор это положение принималось исследователями как аксиоматическое допущение.

* Уточнена и дополнена система понятий социологии девиантного поведения, включающая в себя понятия, описывающие разные виды социальных норм и формы отклонений от них.

* Показано, что социологическая парадигма не является альтернативой нормативистской парадигме и не противоречит ей, она является логичным продолжением процесса познания предмета изучения. Их различие состоит лишь в том, что в рамках этих парадигм исследователи используют разные виды метода верbalного объяснения.

* Аргументировано, что в качестве общего основания для объединения причинных теорий девиантности может быть использована категория «социальная несправедливость».

* Доказано, что позитивные знания, накопленные в теориях девиантного поступка и девиантности, органично объединяются в социологической теории девиантности, в которой категория «социальная несправедливость» выступает как наиболее общее основание, позволяющее на основе принципа комплементарности объединить разные точки зрения на феномен девиантности.

Научная новизна исследования

1. Разработана оригинальная концепция девиантности, базирующаяся на синтезе знаний о социальных отклонениях, представленных в разных теоретических воззрениях (парадигмах, теориях, учениях, школах).

2. Впервые систематизирован и дополнен понятийный аппарат девианологии.

3. Предложена авторская оригинальная концепция объяснения причин девиантности (социального явления), основанная на рассмотрении социального порядка через призму адекватности социальных норм как меры социальной справедливости.

Эти основные результаты подкреплены рядом обоснованных положений, которые рассматриваются как методологические основания для создания общей социологической теории девиантности.

Положения, выносимые на защиту

1. Принципиально возможно и необходимо создание общей социологической теории девиантности, вбирающей в себя позитивное знание, накопленное в разных теориях девиантности (уровень социальных явлений и процессов - макроуровень) и концепциях отклоняющегося поведения (уровень межличностных взаимодействий - микроуровень). Попытки создания интегративных концепций на основе простой взаимодополняемости не могут обеспечить междисциплинарности

исследований феномена девиантности, поскольку не опираются на единую методологию и адекватный понятийный аппарат. Переход от мультидисциплинарности к междисциплинарности возможен только на основе создания метатеории, т.е. теории, основанной на разработке общих понятий и категорий, позволяющих использовать в качестве отдельного и единичного все те понятия, которые нашли признание в рамках более частных теорий.

2. Девиантный поступок как индивидуальный акт может быть обусловлен *внутренней объективной*, *внутренней субъективной*, *внешней объективной* детерминантами и/или их совокупностью. Однако девиантность как *массовое явление* должна объясняться, исходя из внешних объективных детерминант.

3. Уточненная и дополненная система понятий социологии девиантного поведения включает в себя понятия, описывающие разные виды социальных норм и отклонения от них. К уже имеющимся в литературе понятиям «запрещающие», «обязывающие», «дозволяющие», «официальные» и «неофициальные» социальные нормы добавляются понятия ««атрибутивные» («первичные»), «условные» («вторичные»), «социально-адекватные» и «социально-неадекватные» нормы. Кроме того, для описания негативных явлений необходимо использовать понятия «общественное благо» и «социальная значимость поступка». Нарушения социальных норм описываются при помощи уточненных в ходе анализа понятий: «девиантное поведение», «аномалия», «патология», «девиация» и «девиантность», «негативное отклонение» и «негативная отклоняемость», «позитивное отклонение» и «позитивная отклоняемость», «правонарушение» и «правонарушаемость», «преступление» и «преступность», «деликт» и «деликтность», «моральный проступок» и «аморальность».

4. Различия в трактовках основных понятий представителями социологической и нормативистской парадигм обусловлены тем, что нормативисты в рамках статистического подхода используют *семантическое*

и причинное объяснение явлений, а сторонники социологического направления в рамках избранного ими процессного подхода прибегают к историко-генетическому, причинно-следственному и/или функциональному объяснению. Социологическая парадигма не является альтернативой нормативистской и не противоречит ей. Она выступает как логичное развитие процесса познания.

5. В качестве общего основания для объединения причинных теорий девиантности может быть использована категория «социальная несправедливость», выступающая как нарушение социальной справедливости в разных сферах общественной жизни. *Инструментальное (операциональное) понятие социальной справедливости отличается от понимания справедливости как идеальной ценности. В объем операционального понятия «социальная справедливость» включается совокупность благ, обладание которыми считается важным в данном конкретном обществе и стремление к которым определяет направленность деятельности (в том числе и нормонарушающей) субъектов социального взаимодействия. Под благом здесь понимается способность системы к самовоспроизведству и прогрессивному развитию, а также поддержание определенного уровня адаптивной гибкости, позволяющей приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям.*

6. Позитивные знания, накопленные в теориях девиантного поступка и девиантности, органично включаются (интегрируются) в социологическую теорию девиантности, в которой категория «социальная несправедливость» выступает как наиболее общее основание, позволяющее на основе принципа комплиментарности объединить разные точки зрения на феномен девиантности.

Достоверность и обоснованность научных положений и выводов достигается теоретически выверенной методологией, комплексным характером изучения и решения проблем, строгим соблюдением логики исследования, широтой охвата теоретических воззрений на предмет

исследования, использованием арсенала общенаучных методов теоретического построения: анализ понятий, обобщение, синтез, индукция и дедукция, системный анализ.

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем:

- В диссертации предложено комплексное и непротиворечивое решение важнейших проблем, связанных с возможностью построения общей теории (метатеории), причинным объяснением явлений, снятием противоречий между сторонниками социологической и нормативистской парадигм и др.
- Предложенные в диссертации определения социальной нормы, видов социальных норм, а также форм нарушений этих норм позволяют преодолеть политические, идеологические, правовые и иные ограничения при постижении их сущности. Выстроенная в диссертации система понятий позволяет обоснованно делить девиации на позитивные, негативные и нейтральные, осознать то обстоятельство, что не всякое отклонение от норм выступает как социальная патология, наносящая обществу вред.
- Анализ существующих теорий девиантности позволил снять абсолютизацию некоторых положений и вычленить позитивное знание, содержащееся в разных теоретических вззрениях на феномен девиантности и девиантное поведения.
- Теоретическая концепция девиантности, предложенная в диссертации, не нарушая современные научные принципы политеоретичности, мультикаузальности и многоуровневости изучения предмета исследования, снимает противоречие между социологической и нормативистской парадигмами, органично включает в себя накопленное в разных теоретических вззрениях позитивное знание о девиантных явлениях.

Разработанная автором общая теория девиантности дает возможность по-новому взглянуть на существующие концепции девиантности и социального контроля, делая акцент, прежде всего, на превентивных стратегиях, а не на борьбе с последствиями несправедливо организованного общества.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в различных прикладных целях. Так общая социологическая теория девиантности позволяет:

- анализировать действующие в обществе нормы, вычленяя социально-неадекватные нормы, препятствующие естественному функционированию и развитию общества;
- повысить степень рациональности процессов законодательного нормотворчества, задавая необходимые ориентиры для политической, социально-экономической и правовой практики;
- формировать адекватную политику по предупреждению нежелательных форм поведения и деятельности;
- проводить междисциплинарные комплексные исследования, направленные на изучение различных проявлений социальной несправедливости, способствующие возникновению девиантности как массового явления.

Рекомендации об использовании результатов диссертационного исследования.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке и повышении квалификации специалистов в области социологии, девиантологии, криминологии, социальной работы, а также при подготовке соответствующих учебных курсов.

Обоснованные в работе научные положения и выводы могут быть применены в роли методологических принципов для моделирования социальных взаимоотношений на разных уровнях социальной реальности. Обобщения, выводы и материалы диссертации могут служить методологической базой для организации междисциплинарных исследований разных видов девиантности.

Апробация работы.

Результатом диссертационного исследования явились учебные курсы «Девиантология» и «Профессионально-этические основы социальной работы», читаемые для студентов дневной иочно-заочной форм обучения отделения социальной работы факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Основные положения диссертации нашли отражение в 38 авторских публикациях, общий объем которых составляет около 40 п. л., а также были представлены на методологических семинарах, прошедших на кафедрах теории и практики социальной работы (февраль 2004 г.), теории и истории социологии (март 2004 г.) факультета социологии Санкт-Петербургского университета; на городском теоретическом семинаре, организованном факультетом социологии Санкт-Петербургского государственного университета и социологическим обществом имени М. М. Ковалевского (апрель 2004 г.); на заседаниях Санкт-Петербургского криминологического клуба, членом которого является соискатель, а также на международных семинарах, конгрессах, конференциях, круглых столах: «Криминология сегодня» (январь 2000 г., Санкт-Петербург, доклад, статья); «Отмена смертной казни и дальнейшее совершенствование системы противодействия преступности» (май 2000 г., Санкт-Петербург, тезисы); Всероссийский социологический конгресс «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» (сентябрь 2000 г., Санкт-Петербург, доклад, статья); «Семья и преступность» (2001 г., статья); «Кризис наказания и проблемы ресоциализации» (май 2002 г., Санкт-Петербург, доклад, статья); «Альтернативные меры наказания в отношении несовершеннолетних преступников» (октябрь 2002 г., Копенгаген, участие в дискуссии); «Торговля женщинами как глобальная проблема современного мира» (май 2003 г., Санкт-Петербург, участие в дискуссии); «Терроризм и террор в контексте мирового социального насилия» (октябрь 2003 г., Санкт-Петербург, доклад, статья); «Пределы толерантности в современном обществе – 2003» (октябрь 2003 г., Санкт-Петербург, статья); «Рыночная

экономика и социальная справедливость» (июнь 2004 г., Санкт-Петербург, доклад, тезисы, статья); IV Сорокинские чтения «Научное наследие П. Сорокина и проблемы трансформации общества» (октябрь 2004 г., доклад, тезисы); «Мир без насилия» (ноябрь 2004 г., доклад, статья) и др.

Структура работы.

Диссертация состоит из Введения, четырех глав, разделенных на параграфы, Заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В Введении обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи, определяются объект и предметная область исследования, характеризуется степень разработанности проблемы, указываются его теоретические и методологические основы, перечисляются методы исследования, излагаются основные результаты работы, отмечается их научная новизна, теоретическая и практическая значимость, а также апробация работы.

В первой главе – «*Теоретико-методологические основания общей девиантологической теории*» рассматриваются вопросы, связанные с необходимостью и возможностью построения общей социологической теории девиантности. Основной акцент сделан на комплексном анализе основных методологических проблем. Кроме того, в главе представлен обзор основных криминологических и девиантологических исследований и тех проблем, на решение которых эти исследования ориентированы.

Естественная логика познания различных форм проявления социального зла привела к необходимости интеграции достижений всех наук, их осмысливания на новом качественном уровне, что означает переход от моно- и/или мультидисциплинарности к междисциплинарности. Междисциплинарное изучение негативных социальных явлений предполагает формирование “метаязыка”, а также разработку метатеории. “Метаязык”, в свою очередь, не может ограничиваться только созданием специфического

профессионального жаргона. Прежде всего – это разработка понятийного каркаса теории и расширение тезауруса, описывающего различные характеристики изучаемого предмета. Понятийный каркас является основой для синтеза дисциплинарных знаний и разработки некоторой метатеории, в которой представлены такие общие и широкие основания, которые могли бы вобрать в себя синтезируемые знания.

Отсутствие интегративных криминологических и девиантологических теорий во многом обусловлено недостаточной разработанностью методологических вопросов. К проблемам, которые являются дискуссионными не только в девиантологии и криминологии, но и во всех современных обществоведческих научных дисциплинах, прежде всего, относятся следующие: возможность создания общей теории; перспективность поиска причин явлений; выяснение соотношения единичного и общего (части и целого); выбор социальных наук между методами объяснения и понимания. Конечно, эти вопросы не исчерпывают всего поля методологической проблематики, но они представляются наиболее важными для разработки общей теории.

В диссертации после фундированного анализа доказано, что создание общей теории девиантности не только возможно, но и необходимо. Изучение девиантных явлений должно строиться на выявлении ближайших причин девиантности. Скептицизм в отношении причинных зависимостей между явлениями не оправдал себя, поскольку наука не может оставаться на уровне описания явлений, ее суть – в попытках *объяснения* их происхождения. Разумеется, бытие едино и неделимо, однако, познание, особенно научное, заключается в том, чтобы в умозрительно сконструированной реальности попытаться отразить функциональные зависимости (суть генетические причинные связи) между относительно самостоятельными социальными явлениями и процессами.

При объяснении изучаемого предмета можно использовать разные сочетания его видов:

1) *семантическое*: отвечает на вопрос «что это?»; в результате ответа возникает номинальное определение;

2) *историко-генетическое*: отвечает на вопрос «как и когда это возникло?»; ответ может быть сформулирован или в виде генетического определения, или же в виде нарративного описания;

3) *причинно-следственное*: отвечает на вопрос «почему, по какой причине это возникло?»; ответ заключается в указании на причину;

4) *функциональное*: отвечает на вопрос «чему это служит, каково его предназначение?»; в теории организации социальных систем функциональное объяснение означает указание на то, что объясняемое явление служит делу сохранения и процветания той системы, куда оно входит в качестве элемента;

5) *телеологическое (или телеономное)*: отвечает на вопрос «какова цель или с какой целью это создано?»; ответ будет заключаться в указании на цель; телеологическое объяснение обнаруживает некоторое сходство с функциональным объяснением в его «системном» варианте, однако отождествлять их нельзя.

Бытующее в современной науке утверждение о том, что разные школы и направления пользуются разными (принципиально отличными друг от друга) моделями *объяснения* – несостоительно. На самом деле все социологи и, соответственно, все девиантологи и криминологи используют вышеупомянутые способы объяснения – один, два или все вместе в зависимости от предмета, задач, темы разговора.

Кроме указанных проблем в первой главе дается анализ дискуссий по поводу реализации в социологии принципа аксиологической нейтральности и выбора между принципами индивидуализма и холизма. Проанализировав соотношение принципов холизма и индивидуализма, автор приходит к выводу: принципы холизма и индивидуализма не противостоят друг другу, не являются альтернативными исследовательскими стратегиями и поэтому вполне совместимы в *одной* методологической концепции, предполагающей

принципиальную возможность объединения множества разноязыких и, якобы, не согласующихся между собой концепций, описывающих разные аспекты и фрагменты общества, в одной социологической теории с одним языком, с единым понятийным аппаратом.

Целью второй главы - «*Социальные нормы и отклонения от них*» является уточнение понятийного аппарата девиантологии, описывающего девиантное поведение и девиантность.

Материал, изложенный во второй главе, показывает, что без выявления объема и содержания понятия «социальная норма» невозможно построение логически непротиворечивой системы девиантологических знаний. Проведенный анализ функционирования слова «норма» в естественном языке и научной литературе позволил вывести следующее определение понятия «социальная норма»: *социальная норма – это спонтанно сложившаяся в обычаях и традициях и/или сознательно установленная законодателем мера обязательного, дозволенного или запрещенного поведения и деятельности людей и социальных систем.*

Из классификаций норм, существующих в литературе, наиболее продуктивной в отношении выяснения сущности понятия «норма» является классификация «по способу регулирования». По этому признаку выделяют запрещающие, обязывающие и дозволяющие виды норм.

Другой критерий деления социальных норм (который достаточно часто используется в литературе) – «*степень их формализации*». По этому критерию выделяются официальные и неофициальные нормы. Официальные нормы (в отличие от неофициальных) оформлены в виде правовых (или иных) предписаний, а их соблюдение контролируется государством или другой официальной инстанцией. Соблюдение же неофициальной нормы обеспечивается лишь авторитетом общественного мнения.

Кроме указанных критерии для дальнейшей спецификации социальных норм можно использовать и другие основания.

Критерий «первичность происхождения нормы» Под «первичностью происхождения нормы» понимается прослеживаемая связь нормы с фундаментальными принципами организации совместной трудовой деятельности людей.

В обществе существуют две группы социальных норм. В первую из них входят те нормы, которые неизменно встречаются у всех народов и во все времена. Универсальность этих норм обусловлена следующими факторами: а) принадлежностью людей к одному биологическому виду, что определяет сходство их психофизиологических реакций; б) существованием во всех первобытных обществах одинаковых видов деятельности (охота, собирательство, производство простейших орудий труда, выращивание растений и животных, воспитание детей и т.д.); в) аналогичностью витальных потребностей представителей *Homo sapiens*. Логично предположить, что потребность совместного проживания и необходимость кооперации в процессе труда вызывают формирование одинаковых базовых норм, предстающих как атрибут социальности. Эти нормы можно назвать атрибутивными, или первичными. Они сложились и поддерживаются на самом фундаментальном уровне общественной жизни – уровне межличностного взаимодействия и являются безальтернативной конвенцией. К таким нормам относятся, например, запреты на убийство, воровство и порчу чужого личного имущества, обман (в целях получения личной выгоды в ущерб другому), предательство и др. Нарушение этих норм в отношении к представителям *своей* микро- или макрообщины, где межличностные взаимодействия не сильно опосредованы формальными социальными институтами, всегда каралось достаточно сурово у всех народов как наносящее обществу наибольший ущерб. Следует отметить, что в отношении к «чужакам» – иноплеменникам, иностранцам – такие нормы не имели большой принудительной силы. Хотя эти нормы по своей сути неизменны, *мера наказания за их нарушение является правовой конвенцией и*

может варьироваться в разные эпохи и у разных народов в пределах общественной толерантности в данное время.

Другую группу образуют вторичные, или чисто конвенциональные, или условные нормы. Это такие образцы поведения и деятельности, которые считаются должными, правильными, допустимыми в данном обществе и в данное время, хотя у других народов и в другие времена они могут считаться аморальными или противоправными.

Последний и очень важный критерий выделения видов социальных норм – *«социальная адекватность нормы»*.

Человеческий поступок (а также поведение и деятельность) по своим последствиям находится в одном из следующих отношений к общественному благу: негативном, позитивном или же нейтральном. Это отношение существует в двух формах: само по себе (объективно) и в наших оценках (субъективно). Оценки чаще всего даются видам поведения и деятельности, имеющим наибольшую значимость в настоящее время в данном обществе. Это не означает, однако, что все оценки вербализуются. Часть оценок не находит верbalного оформления, оставляя тем самым достаточно широкий выбор возможных вариантов действий, которые являются своего рода резервом для апробирования разного рода социальной активности. Отображение значимости поступка в сознании законодателя (здесь под «законодателем» понимается любое лицо или орган, которые в силу своего статуса занимаются нормотворчеством) вызывает формирование новой социальной нормы или изменение уже существующей. Но указанное отображение, как и всякий познавательный акт, может быть как адекватным, так и неадекватным. В случае адекватного отображения возникают социально-адекватные нормы, а в случае неадекватного – социально-неадекватные нормы. Иначе говоря, социальная адекватность нормы – это обоснованность нормативного предписания с точки зрения общественного блага. Здесь благо понимается как самосохранение системы (общества), ее прогрессивное развитие за счет самовоспроизводства и поддержание

определенного уровня адаптивной гибкости, позволяющего оперативно реагировать на изменения внешней среды.

Адекватность или неадекватность предписанной законодателем нормы обнаруживается в социальном взаимодействии (на практике), когда люди в процессе жизнедеятельности сами постигают полезность или вредность той или иной нормы. Продолжительность проверки адекватности нормы может быть самой разной: от нескольких дней до нескольких десятилетий или даже столетий. Оценка значимости социального явления для общественного блага, как в совокупном общественном мнении, так и в официальных предписаниях (например, праве) может быть адекватной или неадекватной. Расхождения в оценках значимости поступков, особенно если речь идет о расхождении официальных и неофициальных точек зрения, всегда будут вести к нарушениям социальных норм.

Выстроенная в диссертации классификация социальных норм, во-первых, позволяет выйти за рамки правовой точки зрения на их сущность и охватить в единой теоретической концепции всю совокупность действующих в обществе норм – как официальных (правовых), так и неофициальных. Во-вторых, появляются основания для аргументированного деления девиаций на позитивные и негативные. А это, в свою очередь, дает критическое видение существующих правовых и других официальных систем, позволяя осмыслить имеющиеся в них дефекты и удалить из них социально-неадекватные (несправедливые, вредные для общества) нормативные запреты и ограничения на пути позитивных отклонений и в то же время акцентировать внимание на мерах минимизации зла, порождаемого негативными отклонениями. Наконец, предложенная классификация позволяет повысить степень рациональности процессов законодательного нормотворчества.

В данной главе зафиксированы (после соответствующего анализа) определения понятий, отображающих все индивидуальные формы отклонений от социальных норм. К ним относятся: «девиация», «негативное отклонение», «позитивное отклонение», «правонарушение», «моральный

проступок», «преступление» и «деликт». Приняты следующие определения.

Девиация – это любое отклонение от какой-либо моральной или правовой нормы.

Негативное отклонение – это акт нарушения какой-либо *социально-адекватной* нормы (моральной или правовой). Такие отклонения наносят вред отдельным людям или обществу в целом, поэтому воспринимаются не просто как рядовое отклонение (аномалия), а как патология, подлежащая пресечению в ходе реализации специальных мероприятий.

Позитивное отклонение – это акт нарушения какой-либо *социально-неадекватной* нормы (моральной или правовой). Такие отклонения не только не вредят обществу, а, напротив, полезны ему в плане дальнейшего прогрессивного развития, поскольку они размывают, разрушают ошибочные или устаревшие нормы, являя собой источник спонтанно идущего социального творчества. Криминализация позитивных отклонений – лишь следствие несовершенства существующей правовой системы, ее социальной неадекватности.

Правонарушение – это отклонение, нарушающее какую-либо правовую норму.

Моральный проступок – это отклонение, нарушающее ту или иную неофициальную норму, т. е. норму, которая не нашла правового оформления, а ее соблюдение обеспечивается лишь авторитетом общественного мнения.

Преступление – это отклонение, нарушающее какую-либо норму уголовного закона. Отдельные виды преступлений представлены в соответствующих статьях Уголовного кодекса.

Деликт – это отклонение, нарушающее какую-либо норму иного (кроме уголовного) вида права – гражданского, административного, торгового, семейного и т. д.

Формам индивидуальных отклонений соответствуют формы массовых отклонений, которые отображаются и фиксируются в понятиях «девиантность», «позитивная девиантность», «негативная девиантность»,

«правонарушаемость» и «аморальность», «преступность» и «деликтность».

В плане разработки понятийного аппарата социологии девиантного поведения наибольшую проблему составляет выведение приемлемого определения понятия «преступность», т.к. это явление имеет большое значение для функционирования общества. Считается, что существуют две несовместимые точки зрения на это понятие. Расхождение определяется, якобы, принципиальной разницей методологий в нормативистской и социологической парадигмах. Но так ли это? Возможно ли соединить эти парадигмы в одной концепции?

Любое социальное явление можно отобразить в трех ипостасях:

- как некоторый *объект*, умозрительно вычлененный из совокупности явлений и имеющий в данной временной точке определенные параметры своего существования;
- как *процесс*, протекающий в соответствии с присущими ему закономерностями;
- как *следствие* каких-либо причин.

Это умозрительное условное разделение бытия объекта изучения на познавательные компоненты необходимо исследователю для того, чтобы привлечь разные способы объяснения полученных данных. Так, если в данный момент исследователь хочет очертить границы изучаемого явления и дать ему имя, то он использует *семантическое объяснение*. Когда рассматривает явление как процесс, то чаще всего привлекает *историко-генетическое объяснение*, а когда хочет проследить взаимосвязь явления с другими социальными феноменами, то оперирует языком и набором терминов, свойственных *причинно-следственному и/или функциональному объяснению*. Полную картину об объекте исследования можно получить только при использовании всех видов объяснения. Однако в теоретических разработках, исходя из своих научных интересов и предпочтений, исследователи делают акцент на одном из аспектов изучения социального факта. В последующем, в ходе вполне понятного углубления в суть

очерченного круга вопросов, за *одним из возможных* способов объяснения закрепляется статус *самостоятельного* подхода к рассмотрению предмета изучения. Так формируются новые «теории», «концепции», «подходы». Сказанное относится и к рассмотрению преступности. Здесь можно выделить три подхода: статистический, процессный и причинный. При этом причинный подход имманентно включается в два первых. А его относительно самостоятельное существование обусловлено лишь научной дискуссией о возможности и перспективах причинного объяснения социальных явлений.

Статистический подход в определении понятия «преступность» развивается в рамках нормативистской криминологической парадигмы. Отправной точкой при этом является наличие кодифицированных норм уголовного права. Анализ основных характеристик преступности, представленных в трудах нормативистов, привел к принятию следующего определения. *Преступность – это целостная статистическая совокупность массовых видов преступлений, обладающая определенным состоянием, уровнем и динамикой.*

Аналогичным образом выводятся определения и всех других форм массовых отклонений (девиантности, позитивной и негативной отклоняемости, правонарушаемости, аморальности), поскольку они также являются целостными статистическими совокупностями, обладающими состоянием, уровнем и динамикой. Их определения будут отличаться друг от друга одним единственным словом, указывающим на определенные виды нарушений социальных норм, включаемых в данную совокупность (девиации, правонарушения, деликты или моральные проступки).

Исследование преступности и девиантности в целом с опорой лишь на существующую социальную статистику (включая уголовно-правовую) следует признать недостаточным и существенно искажающим объективную картину этих социальных явлений.

Процессный подход, используемый в социологической парадигме и получивший в последнее время широкое признание, во многом нивелирует недостатки статистического подхода.

Если обобщить представления западных сторонников процессного подхода, то можно сказать, что хотя преступность и является совокупностью отдельных преступлений, представления о преступности (или по терминологии некоторых авторов – «социальные и языковые конструкты»), складывающиеся в разных дискурсах, существенно размывают объем и содержание этой совокупности, что обусловлено разным пониманием значимости поступков, а также привходящими конъюнктурными моментами, возникающими в ходе нормальной жизнедеятельности людей.

Главным тезисом в российском процессном подходе является утверждение, что преступность – это закономерное свойство (качество) общества воспроизводить (порождать) отдельные преступления (политические, корыстные, внутрисемейные, массовых коммуникаций и т.д.). Рассмотрение процесса воспроизведения преступности предполагает системный анализ общества в целом, поскольку общество заключает в себе источники всех имеющих совершившиеся преступлений, потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию. Общество создает возможность совершения преступления. В данных рассуждениях акцент делается на объективных условиях воспроизведения преступности, что вполне логично и не вызывает возражений.

Если говорить в целом о процессном подходе в криминологии и его значении для развития девиантологии, то необходимо обратить внимание на следующий важный момент. Процессный подход, как и вся социологическая парадигма в криминологии, не является *альтернативой* нормативистской парадигме и статистическому подходу и не противоречит им. Он скорее выступает как логичное развитие процесса познания преступности и девиантности в целом. Отличие социологической парадигмы от нормативистской состоит лишь в том, что она при анализе и описании

явления преступности использует историко-генетический, причинно-следственный и функциональный виды объяснения, а представители нормативистской парадигмы предпочитают семантическое и причинно-следственное объяснение.

В третьей главе – «*Причинные теории девиации и девиантности*» рассмотрены основные положения причинных теорий девиантного поступка, развиваемые в рамках моделей личности преступника или девианта; предложено решение вопроса о соотношении объективной и субъективной детерминации девиантных поступков; дан критический анализ причинных концепций преступности и девиантности как социальных явлений.

В истории криминологии и девиантологии существовали разные модели личности девианта, отталкиваясь от которых возникали объяснительные концепции преступности и девиантности в целом. Одним из существенных недостатков этих моделей и теорий является то, что в них отсутствует научно корректная постановка вопроса о соотношении субъективной и объективной детерминации девиантного поведения. Его можно сформулировать таким образом: *если при прочих равных условиях один человек не совершает, а другой совершает преступление или иной девиантный поступок, то в чем причина такого конкретного поступка – решение человека как акт свободной воли (субъективная причина) или же внешнее воздействие со стороны социальной среды (внешняя объективная причина)?*

Между тем практически действующая уголовно-правовая модель личности преступника вынуждена ежедневно отвечать на этот конкретный вопрос. С точки зрения сторонников уголовно-правовой и единственной практически действующей модели причина конкретного отдельного преступления при прочих равных условиях имеет *субъективную природу*. Уголовно-правовая модель личности преступника получила объяснение и широкую поддержку в нормативистской парадигме. Однако точка зрения нормативистов на субъективную природу преступления и девиации не могла

устроить представителей социологической парадигмы. Они считают, что субъективная причина не имеет никакого самостоятельного значения, что она – лишь видимость. Любой акт человеческого поведения, в том числе и преступное деяние, полностью предопределено внешней необходимостью, воздействием со стороны социальной среды. Никакой свободы воли нет и быть не может. Свобода – это познанная необходимость. В мире есть лишь необходимые связи причинно-следственных цепочек. Но в таком случае придется объявить на практике всех преступников (и других девиантов) невиновными. Вся вина за их деяния возлагается на общество.

Для снятия абсолютизации положений обеих парадигм в диссертации предпринимается следующий логический анализ проблемы.

В чем заключается коренная причина девиации? Если вопрос ставится в абстрактной форме, то могут существовать четыре относительно правильных ответа на него, в зависимости от того, какими конкретными фактами оперирует исследователь.

1. Причина девиантного поведения заключается в психосоматической неполнотенности человека (врожденной или же приобретенной). Этот ответ (с довольно весомым фактическим подкреплением) предпочитают все *биоантропологические теории*.

2. Поскольку человек – разумное существо, которое сначала думает, затем поступает (кроме случаев невменяемости и неосторожных, непреднамеренных поступков), постольку коренной причиной является решение самого человека как акт свободной воли. Данный ответ полностью удовлетворяет сторонников *уголовно-правовой модели личности преступника и теории рационального выбора*.

3. Причиной девиации является прямое (непосредственное) или опосредованное (через индивидуальный опыт) воздействие внешней социальной среды. Этот ответ предпочтителен для всех сторонников *социологического объяснения причин девиантного поведения*.

4. Девиантное поведение детерминировано отчасти внутренним волевым началом, отчасти внешней необходимостью, притом в разных случаях соотношение этих частей будет разным. Такой ответ вполне устроил бы представителей *социально-психологического направления исследования причин девиантного поведения*.

Поскольку все эти ответы на поставленный абстрактный вопрос являются правильными (ибо имеют соответствующее эмпирическое обоснование), поскольку ни одна из соответствующих современных теорий не может быть отброшена как абсолютно неверная. Напротив, очевидно, что любая из них содержит в себе долю истины наряду с недостатками. Главная некорректность всех этих теорий – абсолютизация одного из приведенных четырех вариантов ответов.

Какая же из четырех приведенных причин имеет решающее значение в формировании «корпуса» девиантности, понимаемой как *сверхсуммативная* совокупность разнородных девиаций, подчиняющаяся (в отличие от отдельных девиаций или их простой суммы) определенным закономерностям? Чтобы ответить на поставленный вопрос, следует предварительно рассмотреть три других вопроса о причинах девиантных поступков людей.

1. *Если при равных внешних обстоятельствах и условиях* в данной конкретной ситуации (или в ситуациях, аналогичных ей) данный вид девиантного поведения совершает один или максимум несколько человек, то в чем причина такого нарушения? На этот вопрос существуют два ответа: а) причиной является психофизиологическое расстройство (*внутренняя объективная причина*); б) причина – решение самого человека как акт его свободной воли (*внутренняя субъективная причина*). Здесь уравнено значение внешних детерминант, вносящих свою долю в формирование решения и поведения всех или по меньшей мере большинства людей; поскольку норму нарушило их незначительное число, стало быть, внешняя детерминация здесь не могла иметь решающего значения. Разумеется,

равенство внешних детерминант может быть лишь относительным, ибо Абсолюта нет нигде и ни в чем. И если не выявлены психофизиологические отклонения в организме человека, то можно говорить о поступке как об акте его свободной воли. При этом речь не всегда идет о вине человека. Если были нарушены социально-неадекватные нормы, то в таком случае, в зависимости от поступка, говорят о подвиге, героизме или просто порядочности.

2. *Если при относительном равенстве внешних детерминант в данной конкретной (или аналогичной ей) ситуации данный вид девиантного поведения совершает довольно много людей, то в чем причина такого поведения?* В этом случае вероятность влияния внешней детерминанты значительно возрастает, хотя и не может рассматриваться в качестве единственной причины.

3. *Если при относительном равенстве внешних детерминант в данной конкретной (или аналогичной ей) ситуации данный вид девиантного поведения совершают чуть ли не все люди, то в чем причина такого массового явления?* В этом случае причина девиантного поведения полностью лежит в социальных обстоятельствах: системе политической организации общества, образования и воспитания, ущербности права, стоящего на страже господствующей системы производства и распределения благ и т. д. В данном случае влияние *внутренних (объективных и субъективных) причин уравнено для всех*, и этим их значение снято. В такой ситуации внешние обстоятельства для большинства людей становятся определяющими факторами в принятии решения и выборе того или иного варианта действия. Свобода в такой ситуации превращается в познанную необходимость (т. е. в отсутствие свободы).

Итак, при относительном равенстве внешних обстоятельств, чем большее число людей совершает девиантные поступки, тем ниже будет значение внутренней субъективной причины каждого отдельного нормонарушения и выше значение внешней объективной причины. Это

значит, что в отличие от форм индивидуальных отклонений в детерминации форм массовых отклонений (каковой и является девиантность) доминирующее значение приобретают внешние причины.

Недостаточная осознанность данного обстоятельства в девиантологии вкупе с представлениями о девиантности как простой сумме отдельных девиантных поступков приводит к тому, что причины отдельных социальных отклонений (как единичных явлений) понимаются как причины социальной отклоняемости вообще (как массового явления). Когда девиантные поступки, например преступления, эпизодически совершаются некоторыми людьми, то здесь еще не может идти речи о преступности как качественно новом сверхсуммативном целом. Когда же однотипные преступления совершают многие и многие люди, то тогда только и возникает феномен преступности. Конечно, ближайшей субъективной причиной отдельного преступления, *нарушающего справедливый закон* (т. е. социально-адекватную правовую норму), можно считать волевое решение порочного (т. е. ищущего личной выгоды без соблюдения интересов и прав других) человека. Разумеется, выяснение причин формирования порочной личности представляет определенный научный интерес, особенно для общей и социальной психологии, этики и педагогики. Однако для девиантологии важно понять причины возникновения форм массовой нормонарушаемости.

Существующие девиантологические концепции, рассматривающие эти причины, можно расклассифицировать на пять групп в зависимости от того, как они отвечают на вопрос о главной (коренной, генетической) причине девиантности, в том числе и преступности.

А. Преступность и девиантность обусловлены экономическими причинами – низким или, напротив, высоким уровнем развития экономики (теория экономической депрессии, теория экономической экспансии и их смягченные современные варианты, например, теория социального сравнения).

Б. Причина девиантности заключается в неоднородности и изменчивости нормативно-ценностной системы общества (теория субкультур, социально-психологический вариант теории контроля, теория аномии Э. Дюркгейма и близкие к ним концептуальные воззрения).

В. Общей причиной девиантности является дестабилизация общества (теория дестабилизации В. Реклесса, теория социальных связей, теория социальной дезорганизации – социологический вариант теории контроля и близкие к ним концептуальные воззрения).

Г. Причиной девиантности и преступности является стигматизация (концепция «драматизации зла» Ф. Танненбаума, «социальной идентичности» И. Гофмана, «вторичной девиации» Э. Лемерта, «девиантной карьеры и этикетирования» Г. Беккера).

Д. Глобальной причиной преступности и девиантности является социальное неравенство и стратификация общества (марксистская теория и ее различные вариации: теория конфликта властей, теория неравных возможностей, теория конфликта социальных групп, теория аномии Р. Мертлона и близкие к ним концептуальные воззрения).

В каждой из имеющихся теорий, безусловно, содержится доля истины. В целях создания общей теории девиантологии далее можно идти двумя путями. Первый путь – рассматривать существующие причинные концепции девиантности как взаимодополняющие друг друга и описывать явления, привлекая для этого по очереди все существующие концепции. В настоящее время исследователи предпочитают идти именно этим путем. Другой путь – объединение «зерен» истины в единой синтетической концепции. Очевидно, что для этого в первую очередь необходимо найти достаточно абстрактное и широкое понятие, позволяющее конкретизировать себя во всех тех положениях, которые рассматриваются в рамках существующих причинных концепций. На наш взгляд, таким общим понятием могла бы стать категория социальной несправедливости, выступающая как нарушение социальной справедливости.

Четвертая глава – «Понятие социальной несправедливости как общее основание для объединения причинных теорий девиантности» – это представление социологической теории девиантности, построенной на общем основании и той системе понятий, которая была разработана в предыдущих главах. Здесь рассмотрены такие вопросы, как: понятие социальной справедливости и виды социальной несправедливости; социальное исключение, отчуждение, насилие и агрессия как формы проявления социальной несправедливости; интеграция объяснительных моделей преступности и девиантности.

Социальная справедливость, как *идеальная ценность*, представляет собой абсолютизированное представление о том, каким должен быть мир и общество, чтобы обеспечивать «свободу, равенство, братство», соблюдение прав *всех* людей в обществе или в целом на Земле (у Аристотеля это – «всеобщая» или «естественная» справедливость, а Дж. Ролз называет эти ценности «теорией строгого согласия»).

Однако в подходах к изучению феномена социальной справедливости наблюдается и другое направление мысли. В рассмотренных в диссертации представлениях П. Сорокина, К. Поппера, Дж. Ролза, В. Н. Аргуновой и др. о социальной справедливости можно заметить одну и ту же тенденцию – стремление операционализировать понятие социальной справедливости, т.е. конкретизировать эту идеальную общечеловеческую и вечную ценность (для этого Аристотель использует понятия «политическая» и «законная» справедливость, а у Дж. Ролза это представление о социальной справедливости названо «теорией частичного согласия»). Конкретизация происходит через описание *объема* понятия «социальная справедливость», т.е. через составление перечня того, что считается справедливым в данном обществе в данное время (например, права человека, свобода, равенство перед законом и т.д.). Такая конкретизация совершенно необходима, поскольку позволяет исследователям перейти от рассмотрения социальной справедливости как идеальной ценности к ее рассмотрению как

операциональной или инструментальной ценности, в которой указываются не только желаемые ориентиры (обозримые цели), но и средства их достижения. В диссертации предлагается использовать следующее определение социальной справедливости.

Социальная справедливость – это мера общественной пользы (социальной адекватности) законов и других нормативных предписаний (формальных и неформальных), устанавливающих и поддерживающих на основе соглашения такой порядок жизнедеятельности людей и организаций, физических и юридических лиц, который способствует выживанию и развитию социума, а также обеспечивает интеграцию и достойное существование членов общества. Социально справедливыми являются те институты, формы правления, нормы и законы, которые на основе соглашения между субъектами социальных взаимодействий создают и поддерживают основы достойной жизни людей в обществе, где провозглашен принцип воздаяния по заслугам, т. е. имеется стремление каждому конкретно обеспечить *индивидуальная справедливость* в его взаимоотношениях с государством и социальными институтами. В данном инструментальном определении социальной справедливости зафиксированы обозримые ориентиры (или цели) – «установление такого порядка жизнедеятельности людей и организаций, который способствует выживанию и развитию социума; обеспечение интеграции и достойного существования членов общества», а также средства их достижения – «мера полезности, т.е. социальной адекватности социальных норм». Здесь выражение «достойное существование» является обобщением всех тех благ, которые провозглашаются в качестве таковых в современном обществе: мера свободы, равенства, социальная защищенность, уровень образования, включенность в социальные сети, широкие возможности выбора легальных видов деятельности и т.д. и т.п.

В современном понимании социальной справедливости акцент делается на соглашении между сторонами социального взаимодействия по

поводу того или иного вопроса. Это соглашение обеспечивает интеграцию членов социума, их солидаризацию и, в конечном итоге, социальный порядок. Данное соглашение каждый раз “на выходе” имеет какое-то решение и оформляется в виде нормативного предписания (формальной или неформальной нормы). Каждый момент уточнения этого предписания связан с разработкой нового, поэтому первоначальное соглашение, оформленное в виде официальной нормы (ее можно назвать «генеральной») «обрастает» целым комплексом норм («обслуживающие» нормы). Как «генеральная», так и «обслуживающие» нормы могут быть социально-адекватными или социально-неадекватными. На социальную адекватность указывает не только объективное положение дел в обществе (решение проблем, понижение уровня преступности и девиантности, благополучие социальных подсистем и их оптимальное функционирование), но и положительное отношение к этим нормам в общественном мнении. Признаками морального соглашения (неофициальные нормы) могут быть: выраженный интервал норм (или «поле возможностей»), позволяющий поддерживать определенный уровень толерантности членов социума к разного рода проявлениям «инаковости»; сложившееся в общественном мнении позитивное отношение к способам и методам решения проблем, деятельности, самому соглашению и механизмам его реализации; низкий уровень нормонарушаемости.

Современные общества для поддержания определенного уровня социальной справедливости включают в свой арсенал действий две стратегии: *установление* социальной справедливости через выработку социально-адекватных норм и *восстановление* попранной справедливости в отношении отдельных граждан, социальных групп и подсистем, ибо даже при идеальной организации социума (что в принципе невозможно) нарушения норм будут сохраняться. На установление социальной справедливости (как она понимается в данном обществе) нацелены все современные демократические общества. Об этом свидетельствуют идеи социального государства и их воплощение в жизнь (другое дело, что не

всегда это получается разумно и эффективно). В дополнение к мерам по установлению социальной справедливости предпринимаются шаги и по ее поддержанию или восстановлению в разных сферах общественной жизни: политической, правовой, экономической, культурной и т.д.

Вольное или невольное нарушение принципа социальной справедливости (особенно через социально-неадекватные официальные нормы) и создает феномен социальной несправедливости, пронизывающий затем всю систему общественных отношений – от экономики до системы образования и воспитания. Последствия социальной несправедливости на социальном уровне могут проявляться в виде аномии, социальных конфликтов, несправедливой стигматизации, субкультурной дифференциации общества, ослаблении социальных связей и социального контроля, неравных возможностей и т.д. Несправедливость на социальном уровне (макроуровне общественной организации) с естественной необходимостью трансформируется на микроуровень общественной организации – на уровень конкретных взаимодействий между отдельными людьми и обнаруживается в ментальной и поведенческой направленности их взаимных реакций и поступков, т.е. несправедливость на макроуровне общественной организации предопределяет отклоняющееся поведение конкретных людей на микроуровне организации общества.

Можно сделать следующий обобщающий вывод: несмотря на многообразие существующих теорий девиантности, исходящих подчас из диаметрально противоположных мировоззренческих и методологических посылок, имеющих разный понятийный аппарат, использующих различный фактологический материал, стиль и методы изложения, имеющих разную глубину проработки и логической обоснованности, все они могут быть объединены в рамках одной концепции, поскольку каждая из них раскрывает прямо или косвенно одну или несколько сторон социальной и/или индивидуальной несправедливости. Понятия, при помощи которых современные концепции объясняют возникновение преступности и

девиантности в обществе, по сути дела, описывают разные формы выражения социальной несправедливости: экономическую, правовую, религиозную, моральную, социально-политическую и т. д., а также следствия социальной несправедливости в виде разных форм и видов девиантности. При этом следует иметь в виду, что *содержание* понятий «социальная справедливость» и «социальная несправедливость» остаются постоянными в разных обществах, а *объемы* этих понятий могут различаться как в разных обществах, так и в одном и том же обществе в разные времена. С изменением объема названных понятий неизбежно изменится объем понятия «девиантное поведение», поскольку изменяются совокупности социально-адекватных и социально-неадекватных норм, задающих нормативную базу для социальных взаимодействий.

В *Заключении* восстанавливается логика разработки общей социологической теории девиантности, делаются основные выводы и намечаются дальнейшие пути развития теории.

Основные выводы:

1. Принципиально возможно и необходимо создание общей социологической теории девиантности, вбирающей в себя позитивное знание, накопленное в разных теориях девиантности и концепциях отклоняющегося поведения.

2. К уже имеющимся в литературе понятиям «запрещающие», «обязывающие», «дозволяющие», «официальные» и «неофициальные» социальные нормы следует добавить понятия «атрибутивные» («первичные»), «условные» («вторичные»), «социально-адекватные» и «социально-неадекватные» нормы. Это позволяет преодолеть политические, идеологические, правовые и иные ограничения при постижении не только сущности социальных норм, но и отклонений от них.

3. Социологическая парадигма не является альтернативой нормативистской и не противоречит ей. Их различие обусловлено тем, что нормативисты в рамках статистического подхода используют *семантическое*

и причинное объяснение явления, а сторонники социологического направления в рамках избранного ими процессного подхода прибегают к историко-генетическому, причинно-следственному и/или функциональному объяснению.

4. Девиантный поступок как индивидуальный акт может быть обусловлен *внутренней объективной, внутренней субъективной, внешней объективной* детерминантами и/или их совокупностью. Однако девиантность как *массовое (социальное) явление* должна объясняться, исходя из внешних объективных детерминант.

5. Позитивные знания, накопленные в теориях девиантного поступка и девиантности, органично включаются (интегрируются) в социологическую теорию девиантности, в которой категория «социальная несправедливость» выступает как наиболее общее основание, позволяющее на основе принципа комплиментарности объединить разные точки зрения на феномен девиантности.

Предлагаемая концепция социальной несправедливости не отбрасывает ни одной из существующих теорий, а объединяет их, преодолевая их взаимонеприятие и кажущуюся противоречивость. При этом не нарушаются современные научные принципы политеоретичности, мультикаузальности и многоуровневости рассмотрения и объяснения предмета исследования.

Автор осознает, что ее исследование и предлагаемая концепция – это одно из возможных логико-теоретических построений, которое открыто для дальнейшей разработки и развития.

Публикации по теме диссертации.

Основное содержание результатов исследования изложено в следующих публикациях:

Монография

1. Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 10,46 п.л.

Научные статьи

1. Шипунова Т.В. Социальные нормы как фундамент культуры //Культура на пороге III тысячелетия. Материалы III Межд. семин. в СПб. 6-7 мая 1996г. – СПб.: Изд. СПбГАК, 1996. - 1,5 п.л.
2. Шипунова Т.В. Правовое нормотворчество как элемент социального контроля //Социальный контроль над девиантностью в современной России. – СПб: Изд. СПб Ф ИС РАН, БИЭПП. 1998. - 0,7 п.л.
3. Айдинян Р., Шипунова Т. Социальная справедливость и девиантность //Рубеж: альманах социальных исследований. - Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1999. № 13-14. - 1,0 п.л./0,5 п.л.
4. Шипунова Т.В. Миссия и цели системы социальной работы //Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы: Феноменология и социальные технологии. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. Выпуск 7. 1999. - 0,7 п.л.
5. Шипунова Т.В. Формы индивидуальных и массовых нарушений социальных норм //Вестник СПбГУ. Сер. 6 - философия, политология, социология, психология. Вып. 4 (№ 27), 1999. - 0,8 п.л.
6. Шипунова Т.В. Тема агрессии и насилия в немецкой криминологии //Журнал социологии и социальной антропологии. Т. III. № 2. 2000. - 0,75 п.л.
7. Шипунова Т.В. Критический анализ причинных теорий девиантности //Проблемы теоретической социологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. Вып. 3. 2000. - 1,7 п.л.
8. Шипунова Т.В. Превенция насилия в школе //Социальные и психологические проблемы воспитания детей. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. Вып. 1. 2001. - 0,6 п.л.
9. Шипунова Т.В. Ювенальная юстиция в социологической перспективе //Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 3 (236). 2001. - 0,6 п.л.

10. Шипунова Т.В. Превенция жестокого обращения с детьми в семье //Социальная работа с семьей: проблемы и перспективы. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. - 1,2 п.л.
11. Айдинян Р.М., Шипунова Т.В. Социальное действие и его виды //Вестник СПбГУ. Сер. 6 - философия, политология, социология, психология. Вып. 2 (№ 14). 2001. - 0,8 п.л./0,4 п.л.
12. Шипунова Т.В. Насилие мира взрослых как причина ухода детей на улицу и в преступность //Социальная ситуация в современном российском обществе и проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. - 1,0 п.л.
13. Шипунова Т.В. Организационные проблемы социального менеджмента //Новые подходы в социальной работе и возможности непрерывного образования. Материалы Международной конференции 24-28 октября 2001г. – СПб.: «Скифия», 2002. - 0,3 п.л.
14. Шипунова Т.В. Агрессия и насилие как элементы социокультурной реальности //Социологические исследования. № 5. 2002. - 0,9 п.л.
15. Кури Х., Шипунова Т.В. Виктимизация заключенных как показатель кризиса наказания (на основе ком-паративистских исследований) //Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. – СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2002. - 1,0 п.л./0,5 п.л.
16. Шипунова Т.В. Преступность несовершеннолетних и превентивные стратегии //Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., № 4. 2002. - 1,2 п.л.
17. Шипунова Т.В. Жестокое обращение с детьми в семье: определение, генезис, перспективы исследований //Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды С.-Петерб. криминологич. клуба. (Материалы междунар. научн. конфер. «Семья и преступность» 2001г.). – СПб.: Изд-во РГГПУ им. А.И. Герцена, № 1 (2). 2002. - 0,6 п.л.

18. Шипунова Т.В. Аутопойезис пенитенциарной системы //Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды С.-Петерб. криминологич. клуба (Матер. междунар. конфер. «Отмена смертн. казни и дальнейшее совершенствование системы противодействия преступности», 2-5 мая 2000г.). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, № 3 (4). 2002. - 0,25 п.л.
19. Шипунова Т.В. Социальное исключение и воспроизведение преступности //Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды С.-Петерб. криминолог. клуба. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, № 4 (5). 2002. - 0,9 п.л.
20. Шипунова Т.В. Актуальные теоретические проблемы современной немецкой криминологии //Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды С.-Петерб. криминолог. клуба. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, № 4 (5). 2002. - 0,8 п.л.
21. Шипунова Т.В. «Системное» насилие и агрессия //Общество и социология: новые реалии и новые идеи. Труды Первого Всерос. социолог. конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» 27-30 сентября 2000 г. – СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2002. - 0,6 п.л.
22. Айдинян Р.М., Шипунова Т.В. Методологические тупики социологии //Проблемы теоретической социологии. – СПб.: НИИХ СПбГУ, Вып. 4. 2003. - 1,0 п.л./0,5 п.л.
23. Айдинян Р.М., Шипунова Т.В. Неформальная экономика в контексте преступности: попытка классификации //Социологические исследования. № 3 (227). 2003. - 0,4 п.л./0,2 п.л.
24. Шипунова Т.В. О соотношении объективной и субъективной детерминант девиантного поступка //Проблемы социальной работы. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. - 0,2 п.л.
25. Шипунова Т.В. Социальные нормы, системное насилие и общественная толерантность... //Проблемы толерантности в современном обществе: Материалы Международной научно-практической конференции

«Пределы толерантности в современном обществе – 2003» - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. - 0,6 п.л.

26. Шипунова Т.В. Терроризм: субъекты и причины преступной деятельности //Криминология: вчера, сегодня, завтра – СПб.; Бишкек: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. № 6 (1) – 0,5 п.л.

27. Шипунова Т.В. Влияние насилия на социализацию детей и подростков //Духовное состояние российского общества и проблемы насилия: Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербург ун-та, 2004. – 0,7 п.л.

28. Шипунова Т.В. Проблема синтеза теорий девиантности //Социологические исследования. № 12. 2004. – 1,1 п.л.

Учебно-методические пособия, учебные программы, методические статьи

1. Шипунова Т.В. Девиантология (программа курса для студентов отделения социальной работы ф-та соц-ии СПбГУ). – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. - 0,4 п.л.

2. Шипунова Т.В. Этика социальной работы (программа курса для студентов отделения социальной работы ф-та соц-ии СПбГУ). – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. - 0,3 п.л.

3. Шипунова Т.В. Этические проблемы и моральные практики современного общества. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. - 3,5 п.л.

4. Шипунова Т.В., Воронова Е.А., Егорычева С.Л., Келасьев В.Н., Кузьмина Л.А., Курганова Г.С. и др. Технологии уличной социальной работы: учебно-методическое пособие. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. - 6,0 п.л./0,7 п.л.

5. Шипунова Т.В., Васильева С.А., Воронов А.Н., Воронова Е.А., Дамберг С.В., Докучаева И.С. и др. Технологии комплексного подхода к решению проблемы семейного неблагополучия: учебно-методическое пособие. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. - 5,0п.л./0,4 п.л.

6. Шипунова Т.В., Васильева С.А., Воронов А.Н., Воронова Е.А., Григорова З.Н., Качанова О.Б. и др. Социальная защита семьи и детства: Учеб.-метод. Пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 13,75 п.л./0,7 п.л.

Опубликованные доклады на научных конференциях, рецензии

1. Шипунова Т. Некоторые критические замечания к немецкой критической криминологии //Преступность и криминология на рубеже веков. Материалы XII Международного Балтийского криминологического семинара, 28-30 июня 1999 г. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. - 0,1 п.л.
2. Шипунова Т.В. Системное насилие и агрессия государства //Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи», 27-30 сент. 2000г. - СПб.: «Скифия», 2000. - 0,1 п.л.
3. Григорьева И.А., Шипунова Т.В. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России //Журнал исследований социальной политики. Т. I. № 1. 2003. (Рецензия на монографию) - 0,7 п.л./0,35п.л.
4. Шипунова Т.В. Идеи П. Сорокина о социальной справедливости и их применение для анализа современных социальных практик //Закономерности и перспективы трансформации общества. Материалы к V Международной Кондратьевской конференции. – М.: МФК, 2004. – 0,1 п.л.

Подписано к печати 28.12.04. Формат 60x84 1/16 Бумага писчая Печать офсетная.
Усл.печ л 2,5 Печ л 20 Тираж 100 экз Заказ № 5.

СПбГУНиПТ, 191002, Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, 9
ИПЦ СПбГУНиПТ, 191002, Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, 9.

■-2271

РНБ Русский фонд

2005-4
48536